ISSN 2500-4255

УДК 343.85
DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(2).268-276

РЕАБИЛИТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ ПРАВА НА ДОСТОЙНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ПОСЛЕ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

А.А. Фомин
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
16 июля 2018 г.

Дата принятия в печать
8 апреля 2020 г.

Дата онлайн-размещения
30 апреля 2020 г.

Ключевые слова
Реабилитация осужденных; социальная помощь; преодоление бедности; предупреждение преступности

Финансирование
Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта «Эволюция правового регулирования оказания социальной помощи малоимущим и преодоления бедности в России: история и современность» (проект № 18-011-00202)

Аннотация. Международно-правовые стандарты формирования социального государства и гарантирования каждому человеку достойной жизни обусловливают развитие в российском законодательстве института социальной помощи малоимущим осужденным, отбывшим наказание, в рамках процедур их социальной реабилитации после освобождения из исправительного учреждения. В статье анализируется сущность социальной реабилитации как правового института, эволюция правового регулирования средств социальной реабилитации в отечественной практике уголовно-исполнительной деятельности. Институт социальной реабилитации осужденных, освобожденных после отбывания наказания, является межотраслевым и направлен на выявление и решение всего комплекса социально-экономических проблем тех из них, кто потенциально относится к категории бедных (или после освобождения из исправительного учреждения может пополнить ряды малоимущих граждан), предоставление им не только психологической, но и материальной социальной помощи в целях обеспечения права на достойное существование, снижение риска попадания отбывших наказание в группу малоимущих (бедных) и их социальную адаптацию в обществе в целом после освобождения. Эффективность мер социальной реабилитации обусловливает модель правомерного или преступного поведения осужденных на свободе, определяет их правосознание, а в конечном итоге влияет на уровень рецидивной преступности. В статье выделяются и анализируются содержательные компоненты социальной реабилитации бывших осужденных после освобождения из мест лишения свободы. В контексте обеспечения права осужденных на достойное существование после отбывания наказания особое внимание уделяется такому компоненту социальной реабилитации, как оказание социальной помощи в трудовом и бытовом устройстве в соответствии с законодательством Российской Федерации и ведомственными нормативно-правовыми актами уголовно-исполнительной системы. Рассматривается смысловая нагрузка термина «социальный» в словосочетании «социальная реабилитация осужденных» в современном значении и исторической ретроспективе. Обосновывается необходимость формирования в России эффективно действующей и контролируемой государством общественной системы социальной реабилитации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы. Выявляются основные направления повышения эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы в контексте гуманистических ценностей социокультурного пространства, адекватных международно-правовым принципам оказания социальной помощи малоимущим гражданам, находящимся в конфликте с уголовным законом, преодоления их бедности и негативного к ним отношения. Аргументируется практическая целесообразность внедрения альтернативных уголовно-процессуальному принуждению новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных, расширения в уголовно-исполнительном законодательстве дополнительных направлений социальной и психолого-педагогической работы с осужденными в целях их социальной реабилитации и обеспечения их права на достойное существование после отбывания наказания.

REHABILITATION OF CONVICTS IN THE MECHANISM OF ENSURING THEIR RIGHT TO A DECENT LIFE AFTER SERVING A SENTENCE

Aleksey A. Fomin
Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, the Russian Federation

© Фомин А.А., 2020

ISSN 2500-4255

Article info
Received
2018 July 16
Accepted
2020 April 8
Available online
2020 April 30

Keywords
Rehabilitation of convicts; social help; overcoming poverty; crime prevention

Acknowledgements
This research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant «Evolution of the Legal Regulation of Providing Social Support for Low-Income Citizens and Overcoming Poverty in Russia: History and Today» (Project № 18-011-00202)

Abstract. International law standards of building a social state and guaranteeing each person a decent life make it necessary to develop, at the level of Russian legislation, an institute of social support for low-income ex-convicts as part of the program of their social rehabilitation after release from a penal institution. The author analyzes the essence of social rehabilitation as a legal institution, the evolution of legal regulation of social rehabilitation methods in the Russian penitentiary practice. The institute of social rehabilitation of convicts released after serving their sentences is inter-agency in its essence; it is aimed at the identification and solution of the whole complex of social and economic problems of those inmates who potentially fall into the category of the poor (or who could become low-income citizens after release). It is also aimed at providing not only psychological, but also material social support to ensure their right to a decent life, reduce their risk of falling into the category of low-income (poor) people and help their overall social adaptation after release. The effectiveness of social rehabilitation measures determines if a convict chooses the law-abiding or the criminal model of behavior after release, determines their legal consciousness and, in the end, influences the level of repeat crimes. The author singles out and analyzes the contents of social rehabilitation of ex-convicts after release from places of confinement. In the context of ensuring the right of a convict to a decent life after serving a sentence, the author pays special attention to such a component of social rehabilitation as assistance in finding employment and housing in compliance with the legislation of the Russian Federation and the normative acts of the penitentiary system. The meaning of the term «social» in the collocation «social rehabilitation of convicts» is analyzed in its modern and historical aspect. The author shows the necessity of establishing an efficient state-controlled public system of social rehabilitation for persons who are released from places of incarceration in Russia. He also identifies key directions for improving the effectiveness of the penitentiary system by taking into account the humanistic values of the socio-cultural environment and the principles of international law norms when providing social support to low-income citizens who are in conflict with criminal law, as well as by overcoming their poverty and a negative attitude to them. The author presents arguments to prove the practical value of introducing new forms and methods of correctional influence on convicts that are alternative to criminal procedure coercion, of widening the scope of additional social, psychological and educational work with convicts in penitentiary legislation with the purpose of providing social rehabilitation for convicts and ensuring their right to a decent life after serving the sentence.

Реабилитация лиц, отбывших наказание, выступает одним из важных средств социальной политики в сфере противодействия бедности. Осознание не только необходимости (с точки зрения гуманистических ценностей конституционализма), но и практической целесообразности (вместо дальнейшего усиления карательной составляющей уголовной политики) социальной реабилитации и ресоциализации бывших осужденных предполагает признание оказания им социальной помощи (в натуральной и денежной форме) в качестве общественно значимой функции демократического правового социального государства, гарантирует соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прежде всего права на достойную жизнь.

Термин «реабилитация» появился еще в римском праве, знавшем restitutio in integrum[1]. В исторической ретроспективе институт restitutio был обусловлен целью ликвидации всех неблагоприятных последствий, вызванных государственным и общественным осуждением преступника, и восстановления его чести, доброго имени, социально-правового статуса. И вплоть до конца XIX в. в юридической науке реабилитация определялась как вид помилования, возвращающий осужденного в прежнее состояние [1, с. 749]. По мнению Н.И. Миролюбова, введение в научный оборот термина «реабилитация» для обозначения древнего института помилования, выражавшегося в восстановлении всех прав преступника, связано с именем средневекового французского легиста Блейнианус (Bleynianus) [2].

В Большой советской энциклопедии (наиболее известной и универсальной) понятие «реабилитация», образовавшееся от rehabilitatio, трактуется как восстановление способности: re — возобновление, a habilitas — способность [3, с. 516]. Толковые словари русского языка предлагают определения термина «реабилитация»: восстановление в прежней хорошей репу-

[1] Restitutio in integrum (лат.) — восстановление в прежних правах, восстановление в прежнем состоянии.

тации или в прежних правах [4, с. 588; 5, с. 660], восстановление в юридических правах, восстановление доброго имени, прежней репутации [6]. Энциклопедический словарь конституционного права увязывает понятие реабилитации не только с восстановлением доброго имени лица, незаконно привлеченного к уголовной ответственности, его нарушенных или ограниченных прав и законных интересов, но и с обязательным устранением негативных последствий незаконного привлечения к ответственности [7, с. 502–503]. Западная энциклопедия американских законов определяет реабилитацию как восстановление прежних прав или способностей, направленное на подготовку заключенного к качественной жизни после освобождения из тюрьмы[2]. Встречаются и довольно спорные определения, не соответствующие сложившимся представлениям о реабилитации как междисциплинарном явлении. Так, в словосочетании «реабилитация нацизма» термин «реабилитация» используется как синоним слов «оправдание», «невиновность» [8, с. 81], хотя это не тождественные понятия. Дефиницией реабилитации является не просто восстановление, а восстановление способности, правомочий, состояния, существовавших ранее.

Сегодня понятие «реабилитация» относится к числу объемных многогранных категорий терминологического аппарата правовой политики и используется не только в уголовном праве, но и в теории права, в конституционном, гражданском, финансовом, трудовом и ряде других отраслей права[3] [9–12], регулируется широким спектром нормативно-правовых актов российского и международного уровня[4].

Хотя исторически зарождение представлений о реабилитации связано с эволюцией науки уголовного права, в которой длительное время, как отмечалось выше — почти до начала XX в., институт реабилитации ассоциировался исключительно с помилованием и амнистией. Помилование рассматривалось в качестве родовой правовой категории по отношению к реабилитации и амнистии. Как писал А.Ф. Кистяковский, помилование представляет собой прощение всей или части вины и отмену или смягчение наказания. В зависимости от объема, формы и действия видами помилования, по его мнению, выступают помилование в собственном виде, амнистия и реабилитация. Реабилитация как вид помилования заключалась в возвращении осужденного в прежнее состояние. Она применялась к тем субъектам, которые отбыли материальное наказание и заслуживают того, чтобы им была возвращена полнота политической и гражданской правоспособности [1].

В настоящее время помилование и амнистия являются обстоятельствами, исключающими правовую реабилитацию (гл. 18 УПК РФ), вместе с тем способствующими социальной реабилитации преступника. Об этом виде реабилитации и пойдет речь далее.

Социальная реабилитация после отбывания наказания направлена на выявление и решение проблем малоимущих осужденных или тех, кто потенциально относится к категории бедных (или после освобождения из исправительного учреждения может пополнить ряды малоимущих граждан), предоставление им адресной социальной помощи в целях обеспечения права на достойное существование, снижение риска попадания отбывших наказание в группу малоимущих (бедных) и их адаптацию в обществе в целом после освобождения. От эффективности мер социальной реабилитации в значительной степени зависит характер дальнейшего поведения осужденного на свободе, а в конечном итоге состояние рецидивной преступности.

Основными компонентами социальной реабилитации бывших осужденных выступают:

– развитие социальных компетенций, связанных с приобретением умений выбора правильных социальных ориентиров, привитием заключенным, особенно отбывающим длительные сроки лишения свободы, социальных навыков, их ознакомлением с социальными гарантиями и стандартами достойного существования;

– налаживание ответственными за социальную реабилитацию государственными и общественными институтами контактов с окружением осужденного после отбывания им наказания (с семьей, друзьями, работодателями и др.);

– осуществление мер по оказанию адресной помощи в трудовом и бытовом устройстве

[2] West's Encyclopedia of American Law. URL: http://www.answers.com/topic/rehabilitation.

[3] Покупку жилья по бартеру реабилитировали : коммент. к письму Минфина России от 19 авг. 2011 г. № 03-04-08/4-150 // Главная книга. 2011. № 18. С. 4–5.

[4] Так, вопросы социальной реабилитации инвалидов регулируются Конвенцией № 159 Международной организации труда «О профессиональной реабилитации и занятости инвалидов» (Женева, 20 июня 1983 г.), Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (в ред. от 7 марта 2018 г.).

освобождаемых лиц, поскольку бóльшая часть лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, не имеют необходимых материальных ресурсов для достойного существования после освобождения и потенциально относятся к группе малоимущих;

– анализ документов осужденного, в том числе подтверждающих наличие у него образования, профессиональной специальности, а также подтверждающих право на получение пенсии или иных социальных выплат;

– формирование у осужденного представлений о потребностях и нормативно-ценностных ориентирах достойного уровня жизни, повышение его социальной культуры в целом.

В контексте обеспечения права осужденных на достойное существование после отбывания наказания среди перечисленных компонентов их социальной реабилитации особое значение имеет право на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативно-правовыми актами. Например, осужденные, являющиеся инвалидами первой и второй групп, а также осужденные мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет по их просьбе и представлению администрации исправительного учреждения должны быть направлены органом социальной защиты в дома инвалидов и престарелых (ч. 3 ст. 180 УИК РФ). Уголовно-исполнительное законодательство России устанавливает обязательное обеспечение осужденных, освобождаемых от наказания, бесплатным проездом к месту жительства, продуктами питания или деньгами на время проезда в порядке, устанавливаемом Правительством РФ[5].

Отдельно следует остановиться на двусмысленности термина «социальный» в словосочетании «социальная реабилитация осужденных». Уголовно-исполнительное законодательство под социальной реабилитацией осужденных подразумевает либо безвозмездное предоставление им в натуральной или денежной форме социальной помощи за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, либо оказание социальных услуг администрацией исправительного учреждения. В то же время понятие «социальный» (от лат. socio — общество) однозначно переводится и понимается как «общественный». Соответственно, и данный вид помощи должен пониматься как общественный, предоставляемый институтами гражданского общества, благотворительными организациями и т.п., тогда как в законодательстве речь идет о государственной помощи, оказываемой из средств бюджетов, а не «общественных фондов потребления», как это было, например, в СССР или при тюремно-благотворительных патронажах в дореволюционной России, оказывавших на попечительных началах постпенитенциарную помощь освобожденным из мест заключения. К сожалению, роль общественных организаций в социальной реабилитации осужденных сегодня в нашей стране минимальна (встречаются отдельные примеры участия религиозных организаций в социальной реабилитации осужденных, но опять же в отличие от ряда зарубежных государств их деятельность не осуществляется на систематической основе [13]). Вопрос же об эффективности деятельности органов государства и местного самоуправления по ресоциализации и социальной адаптации осужденных, в том числе через оказание им помощи в бытовом и трудовом устройстве после освобождения, является, скорее, риторическим. В результате значительная часть лиц, отбывших наказание, пополняет ряды малоимущих и бедных.

В рассматриваемой связи весьма ценен советский опыт 1920–1930-х гг. в сфере предупреждения бедности среди лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Основные направления деятельности государства по борьбе с бедностью среди осужденных подробно определены в отделе X Исправительно-трудового кодекса РСФСР (утвержденного постановлением ВЦИК от 16 октября 1924 г.): оказание в материальной форме социальной помощи малоимущим осужденным; предоставление им необходимой поддержки после возращения на постоянное место жительства; обеспечение бывших осужденных временным жильем на льготных условиях; выделение ссуд для приобретения рабочих инструментов и не-

[5] О порядке обеспечения продуктами питания или деньгами на время проезда к месту жительства осужденных, освобожденных от отбывания наказания [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 24 окт. 1997 г. № 1358 // СПС «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] : приказ Минюста РФ № 2 от 13 янв. 2006 г. : (в ред. от 8 сент. 2006 г.) // Там же.

обходимых предметов домашнего обихода; подыскание занятий лицам, освобождающимся из исправительно-трудовых учреждений; профессиональное и образовательное их развитие. Увы, но по политическим причинам многие из заявленных целей оказались декларативными, другие, положительно себя зарекомендовав, со временем канули в Лету, и советская уголовно-исполнительная система в итоге приобрела черты ярко выраженной репрессивно-карательной модели, в том числе и в вопросах постпенитенциарной реабилитации освобождаемых из мест лишения свободы.

Уже долгие годы следствием доминирования карательной политики в отношении лиц, имеющих конфликт с законом, является неприятие в российском обществе бывших осужденных, их отторжение, нежелание помогать им в разрешении материальных и других социальных проблем. Такая гражданская позиция в конечном итоге оборачивается постоянной тревогой законопослушных граждан по поводу высокого уровня рецидивной преступности, их неуверенностью в личной безопасности, высокой вероятностью стать жертвой преступления и т.д. Вот почему сегодня так остро ощущается потребность в формировании эффективно действующей и контролируемой государством общественной системы социальной реабилитации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы. Причем такая система должна основываться на принципиально новых, гуманистических и демократических принципах, адекватных международно-правовым стандартам оказания социальной помощи малоимущим гражданам, преодоления их бедности и негативного к ним отношения.

В настоящее время преодоление бедности в контексте общепризнанных идей гуманизма в условиях глобализации, унификации и интернационализации мирового пространства воспринимается в качестве одной из основных угроз безопасности не только на национальном, но и на международном уровне. Незыблемая ценность права на человеческое достоинство декларируется в ст. 1, 5, 22 Всеобщей декларации прав человека, ст. 7, 10 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Несмотря на тот факт, что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и факультативные протоколы к ней не гарантируют право на реабилитацию как таковое, практика Европейского суда по правам человека предполагает, что осужденные, включая пожизненно осужденных, имеют возможность реабилитироваться[6].

Одним из организационно-правовых средств оптимизации и гуманизации уголовно-исполнительной системы, придания ей социальной восстановительной направленности, постпенитенциарной адаптации осужденных, отбывших наказание, является служба пробации. Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) за службой пробации закрепляются такие функции, как социально-психологическое сопровождение осужденных, активизация использования процедур социальной реабилитации в судебной практике, в частности при назначении судами принудительных мер воспитательного воздействия, формирование и развитие института восстановительного правосудия, дальнейшее внедрение примирительных процедур и средств медиации. Здесь необходимо отметить, что до сих пор в России службы, аналогичной зарубежным службам пробации [14], не существует, хотя в экспертном сообществе в основном высказываются аргументы за [15; 16].

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р) предполагает поиск и использование новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных, расширение в уголовно-исполнительном законодательстве направлений социальной и психолого-педагогической работы. И здесь уместно будет обратиться к опыту ряда демократических стран, в которых глубокое реформирование уголовно-исполнительного законодательства и практики его реализации привело к переходу от сугубо карательных к примирительным формам разрешения уголовных дел на всех стадиях привлечения к уголовной ответственности, в том числе

[6] Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. : (в ред. от 13 мая 2004 г.) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16 сент. 1963 г.), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22 нояб. 1984 г.)).

на стадии исполнения наказания [17], появлению института восстановительного правосудия. Термин «восстановительное правосудие» вводится в научный и общественный оборот западных стран именно для обозначения комплекса средств социально-психологической реабилитации наряду с механизмом уголовно-процессуального принуждения или вне его. Одним из средств восстановительного правосудия является, например, медиация. В настоящее время в теории выделяют три модели медиации: во-первых, как часть системы уголовного правосудия, во-вторых, как альтернатива правосудию, в-третьих, как дополнительное средство правосудия, используемое после вынесения итогового документа по уголовному делу [18, с. 19–20].

Отдельное внимание хотелось бы уделить вопросу реабилитации лиц, осужденных к лишению свободы с отбыванием наказания в местах лишения свободы, находящихся на значительном удалении от основного места жительства преступника и членов его семьи.

Данная проблема получила освещение в постановлении Европейского суда по правам человека по делу «Полякова и другие против России»[7]. ЕСПЧ отметил, что «реабилитация, то есть реинтеграция осужденных в общество, является обязательной для любого общества, в системе ценностей которого человеческое достоинство занимает центральное место... Статья 8 Конвенции требует от государства оказания всей возможной помощи заключенным по созданию и поддержанию отношений с людьми, находящимися вне тюрьмы, в целях содействия социальной реабилитации заключенных. В этом контексте имеет значение расположение места содержания заключенного под стражей. В то время как возмездие остается одной из целей лишения свободы, акцент в европейской пенитенциарной политике в настоящее время делается на реабилитационную цель лишения свободы, особенно к концу длительного срока тюремного заключения... Согласно Европейским пенитенциарным правилам, национальные власти обязаны предотвращать разрыв семейных связей и обеспечивать заключенным разумную степень контакта с их семьями, предоставляя возможности для посещения так часто, насколько это возможно, и максимально нормальным образом».

[7] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ 2018. № 1 : утв. Президиумом Верхов. Суда РФ 28 марта 2018 г. URL: http://vsrf.ru.

В соответствии с общим правилом географического распределения осужденных в Российской Федерации заключенные должны отбывать наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали (регион проживания) или были осуждены (регион осуждения). В исключительных случаях допускаются отступления от общего правила распределения. Оставляя в стороне вопрос о том, какие случаи можно считать исключительными, как несущественный в рамках дела «Полякова и другие против России», ЕСПЧ отметил, что дух и цель общего правила распределения из ст. 73 УИК РФ состоят в том, чтобы сохранить социальные и семейные связи заключенных с местом, где они проживали до заключения. Таким образом, общее правило распределения совпадает с правилом 17.1 Европейских пенитенциарных правил и рекомендует по мере возможности определять заключенных в места лишения свободы, которые находятся вблизи места их проживания или социальной реабилитации [19].

Согласно п. 2 ст. 73 УИК РФ, осужденные могут быть направлены для отбывания наказания в исправительные учреждения, расположенные на территории другого субъекта Российской Федерации, в случае когда в регионе проживания или заключения отсутствует исправительное учреждение соответствующего типа либо в случае невозможности размещения заключенного в соответствующем исправительном учреждении в пределах региона проживания или региона осуждения. Российское законодательство не уточняет ни в УИК РФ, ни в Инструкции по распределению заключенных, в каких случаях может возникать такая «невозможность». В результате определение наличия такой «невозможности» в значительной степени зависит от решения исполнительной власти, а именно от ФСИН России, что ограничивает возможность заключенного и его или ее родных предвидеть, будет ли на этом основании сделано отступление от общего правила распределения.

Европейский суд подчеркнул, что свобода дискреционного усмотрения российских уголовно-исполнительных органов в рассматриваемой сфере недостаточно четко определена и не предоставляет заключенным надлежащей правовой защиты от превышения власти и служебных полномочий. ЕСПЧ заявил, что не находит в российской правовой системе «каких-либо механизмов гарантий, которые бы могли

послужить противовесом для обширных дискреционных полномочий ФСИН России в сфере распределения заключенных, или каких-либо механизмов соизмерения конкурирующих личных и общественных интересов и не может оценить, насколько пропорционально ограничиваются соответствующие права заинтересованных лиц. Ни пункты 2 и 4 статьи 73 УИК РФ, ни Инструкция по распределению заключенных не предусматривают даже простейшей и неформальной процедуры консультаций с заинтересованным лицом... ФСИН России не проводит консультирование с кем-либо из заключенных или их родными в процессе принятия решения об их распределении». Между тем правило 17.3 Европейских пенитенциарных правил указывает, что по мере возможности с заключенными следует консультироваться по поводу их первоначального распределения и по поводу любого дальнейшего перевода из одной тюрьмы в другую (п. 99 постановления).

ЕСПЧ отметил, что «Конвенция не предоставляет осужденным право выбирать место отбывания наказания, а тот факт, что осужденные могут быть отделены от своих семей и отбывать наказание на определенном расстоянии от них, является неизбежным следствием лишения их свободы... Для того чтобы обеспечить уважение достоинства, присущего человеческой личности, целью государств должно стать поощрение и поддержание контактов заключенных с внешним миром. Для достижения этой цели национальное законодательство должно предоставить заключенному (или при необходимости его (ее) родственникам) реальную возможность выдвигать свои требования до того, как государственные органы власти примут решение о размещении его (ее) в определенное исправительное учреждение, а также убедиться в том, что какие-либо другие их распоряжения соответствуют требованиям статьи 8 Конвенции» (п. 100 постановления).

В отношении переводов заявителей из одного учреждения в другое исправительное учреждение ЕСПЧ пришел к закономерному выводу, что правоприменительная практика ФСИН России выражается в отклонении ходатайств осужденных о переводе. Ответы ФСИН России на жалобы заявителей показывают, что органы исполнительной власти российской пенитенциарной системы не учитывают обстоятельств частной жизни заключенных и не рассматривают их заинтересованность в поддержании семейных связей в качестве достаточного основания для их перевода в другое исправительное учреждение по смыслу п. 2 ст. 81 УИК РФ.

Следует согласиться с правовыми позициями ЕСПЧ. Действительно, в российском законодательстве отсутствуют требования, обязывающие ФСИН России учитывать потенциальную (опосредованную) взаимосвязь территориального (географического) местоположения исправительного учреждения и семейной жизни заключенных и их родных, оценивать последствия отклонения ходатайства заключенного о переводе в другое исправительное учреждение с точки зрения сохранения семейных и общественных связей как важнейших предпосылок ресоциализации и реабилитации осужденных после освобождения из мест лишения свободы.

Практический интерес обращения к институту социальной реабилитации осужденных, отбывших наказание, обусловлен конституционными принципами (ст. 7 Конституции РФ) социального государства и гарантирования каждому права на достойную жизнь (ст. 21, 37, 38, 39 и др. Конституции РФ). В современных условиях борьба с бедностью облечена в правовые формы, осуществляется в рамках юридической, в том числе уголовно-исполнительной деятельности, поскольку значительная доля бывших осужденных относится к группе риска оказаться за чертой бедности после освобождения из мест лишения свободы. Поэтому, сосредоточивая основные усилия на определении содержания политических, социально-экономических, организационных, демографических и т.п. мер снижения числа малоимущих среди осужденных, не следует оставлять без внимания сугубо уголовно-исполнительные аспекты проблемы, среди которых одним из важнейших является вопрос социальной реабилитации преступников как элемента обеспечения их права на достойное существование после освобождения из исправительных учреждений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая / А.Ф. Кистяковский. — 3-е изд., печ. без перемен со 2-го. — Киев : Ф.А. Иогансон, 1891. — 892 с.

2. Миролюбов Н.И. Реабилитация как специальный правовой институт / Н.И. Миролюбов // Журнал Министерства Юстиции. — 1902. — № 3. — С. 68–92 ; № 4. — С. 101–141.

3. Большая советская энциклопедия / под ред. А.М. Прохорова. — 3-е изд. — Москва : Сов. энцикл., 1975. — Т. 21. — 640 с.

4. Крысин А.П. Толковый словарь иноязычных слов / А.П. Крысин. — Москва : Рус. яз., 1998. — 846 с.

5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — Москва : ИТИ Технологии, 2006. — 944 с.

6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 2 / Т.Ф. Ефремова. — Москва : Рус. яз., 2000.

7. Конституционное право : энцикл. слов. / отв. ред. С.А. Авакьян. — Москва : Норма, 2001. — 688 с.

8. Розенко С.В. Реабилитация нацизма: новые основания уголовной ответственности / С.В. Розенко // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 3 (29). — С. 80–85.

9. Климова Г.З. Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики) / Г.З. Климова, И.Н. Сенякин. — Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2005. — 344 с.

10. Филатова В.Ф. Введение института банкротства физических лиц как инструмент реабилитации должника / В.Ф. Филатова // Банковский ритейл. — 2012. — № 1. — С. 8–16.

11. Юдин А.В. Факторы «устойчивости» решений судов первой инстанции по гражданским делам и их «реабилитация» судами проверочных инстанций / А.В. Юдин // Вестник гражданского процесса. — 2012. — № 1. — С. 25–41.

12. Яшина А.А. Институт реабилитации: конституционно-правовые аспекты / А.А. Яшина. — Москва : Юрлитинформ, 2018. — 276 с.

13. Hanslmaier M. Re-examining the Relationship Between Religion and Punitiveness: Evidence from Germany / M. Hanslmaier, D. Baier // European Journal of Criminology. — 2016. — Vol. 13, iss. 4. — P. 473–490.

14. Maguire M. Offender Management in and After Prison: The End of 'End to End'? / M. Maguire, P. Raynor // Criminology & Criminal Justice. — 2017. — Vol. 17, iss. 2. — P. 138–157.

15. Габараев А.Ш. Пенитенциарная медиация как инструмент совершенствования уголовно-исполнительной политики Российской Федерации / А.Ш. Габараев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2017. — № 4. — С. 3–5.

16. Голодов П.В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты / П.В. Голодов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2011. — № 2 (14). — С. 81–88.

17. Hamilton C. Reconceptualizing Penality: Towards a Multidimensional Measure of Punitiveness / C. Hamilton // The British Journal of Criminology. — 2014. — Vol. 54, iss. 2. — P. 321–343.

18. Дворянсков И.В. Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России (сравнительно-правовое исследование) / И.В. Дворянсков, В.В. Сергеева, Д.Е. Баталин. — Москва : Центр содействия реформе уголов. правосудия, Penal Reform International, 2004. — 90 с.

19. Данилин Е.М. Применение Европейских пенитенциарных правил в воспитательных колониях / Е.М. Данилин, Н.В. Давыдова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2016. — № 1. — С. 22–25.

REFERENCES

1. Kistyakovskii A.F. *Elementarnyi uchebnik obshchego ugolovnogo prava s podrobnym izlozheniem nachal russkogo ugolovnogo zakonodatel'stva. Chast' obshchaya* [Elementary Textbook of General Criminal Law with a Detailed Description of Russian Criminal Law. General Part]. 3rd ed. Kiev, F.A. Ioganson Publ., 1891. 892 p.

2. Mirolyubov N.I. Rehabilitation as a Special Legal Institution. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii = Journal of the Ministry of Justice*, 1902, no. 3, pp. 68–92; no. 4, pp. 101–141. (In Russian).

3. Prokhorov A.M. (ed.). *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Soviet Great Encyclopedia]. 3rd ed. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1975. Vol. 21. 640 p.

4. Krysin A.P. *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1998. 846 p.

5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow, ITI Tekhnologiya Publ., 2003. 944 p.

6. Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Dictionary of the Russian Language. Explanation and Word-Formation]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2000. Vol. 2.

7. Avakyan S.A. (ed.). *Konstitutsionnoe pravo: entsiklopedicheskii slovar'* [Constitutional Law. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Norma Publ., 2001. 688 p.

8. Rozenko S.V. Rehabilitation of Nazism: New Grounds of Criminal Liability. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 3 (29), pp. 80–85. (In Russian).

9. Klimova G.Z., Senyakin I.N. *Reabilitatsiya kak pravovoi institut (voprosy teorii i praktiki)* [Rehabilitation as a Legal Institute (Issues of Theory and Practice)]. Saratov State Academy of Law Publ., 2005. 344 p.

10. Filatova V.F. Introduction of the institute of bankruptcy of physical persons as an instrument of rehabilitating the debtor. *Bankovskii riteil = Bank Retail*, 2012, no. 1, pp. 8–16. (In Russian).

11. Yudin A.V. The factors of «sustainability» of the decisions of the courts of first instance in civil cases and their «rehabilitation» by the courts of supervision bodies. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2012, no. 1, pp. 25–41. (In Russian).

12. Yashina A.A. *Institut reabilitatsii: konstitutsionno-pravovye aspekty* [The Institute of Rehabilitation: Constitutional-Law Aspects]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 276 p.

13. Hanslmaier M., Baier D. Re-examining the Relationship between Religion and Punitiveness: Evidence from Germany. *European Journal of Criminology*, 2016, vol. 13, iss. 4, pp. 473–490.

14. Maguire M., Raynor P. Offender Management in and after Prison: The End of 'End to End'? *Criminology & Criminal Justice*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 138–157.

15. Gabaraev A. Penitentiary Mediation as Tool for Improvement of Penal Policy of the Russian Federation. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Correctional System: Law, Economy, Management*, 2017, no. 4, pp. 3–5. (In Russian).

16. Golodov P.V. The Foreign Experience and Perspectives of the Probation Service Organization in Russia: Organizational-Legal Aspects. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2011, no. 2 (14), pp. 81–88. (In Russian).

17. Hamilton C. Reconceptualizing Penality: Towards a Multidimensional Measure of Punitiveness. *The British Journal of Criminology*, 2014, vol. 54, iss. 2, pp. 321–343.

18. Dvoryanskov I.V. *Primenenie al'ternativnykh vidov nakazaniya v Zapadnoi Evrope, SShA i Rossii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [The Application of Alternative Sentences in Western Europe, the USA and Russia (Comparative Law Research)]. Moscow, Center for the Promotion of Criminal Justice Reform Publ., 2004. 90 p.

19. Danilin E.M., Davydova N.V. Application of the European Prison Rules in Juvenile Correctional Facilities. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Correctional System: Law, Economy, Management*, 2016, no. 1, pp. 22–25. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фомин Алексей Александрович — профессор кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: fominpenza@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Фомин А.А. Реабилитация осужденных в механизме обеспечения их права на достойное существование после отбывания наказания / А.А. Фомин. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).268-276 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 2. — С. 268–276.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fomin, Aleksey A. — Professor, Chair of Constitutional and Administrative Law, Saint Petersburg State University of Economics, Doctor of Law, Professor, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: fominpenza@mail.ru.

FOR CITATION

Fomin A.A. Rehabilitation of convicts in the mechanism of ensuring their right to a decent life after serving a sentence. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 268–276. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).268-276. (In Russian).